

А. В. Хлебцова

Мотив духовно-нравственной ответственности в повести К. М. Симонова «Четыре шага»: человек в условиях фронта

В повести «Четыре шага» К. М. Симонов обратился к «боковым» проблемам, обострившимся в жизни советских людей в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены значение и роль мотива духовно-нравственной ответственности каждого советского человека за тех, кто волею судеб оказывается рядом. Этот мотив необходим автору при разработке аксиологического контраста в характерах и судьбах: есть те, кто живет по законам совести и долга (военкор Лопатин, член Военного совета армии Пантелеев, батальонный комиссар Левашов), а есть и те, чей страх перед начальством и личная трусость напрямую приводят к гибели подчиненных (полковник Бабуров, полковой комиссар Бастрюков), или те, кто в угаре эгоцентризма забывает даже родительский долг (жена Лопатина Ксения). Опыт Симонова как военного журналиста и романиста свидетельствует, что советским людям в их массе свойственно чувство высокоморальной сопряженности всех со всеми. В то же время в войну, особенно в условиях фронта, наиболее явно обнаруживаются те, кто предаёт вечные ценности. В том числе если одни герои и персонажи повести в личной жизни особенно глубоко ощущают свое единство с семьями и друзьями, то другие персонажи (как «антигерои») живут лишь в заботе о собственном благополучии.

Ключевые слова: К. Симонов, повесть «Четыре шага», мотив, литературный характер, аксиология, архитектоника.

Для цитирования: Хлебцова А. В. Мотив духовно-нравственной ответственности в повести К. М. Симонова «Четыре шага»: человек в условиях фронта // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 3. – С. 38–52. DOI: 10.35231/25419803_2025_3_38. EDN: VTHKFM

Константин Симонов приобрел мировую известность как автор трилогии «Живые и мертвые», жанровое единство которой составляют три романа: «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1962), «Последнее лето» (1971). В трилогии Симонов показал наиболее значительные события Великой Отечественной войны в первое военное трехлетие – вплоть до изгнания врага за границы страны: от первых наиболее трагических месяцев

1941 года – до контрнаступления Красной армии под Москвой; от героической обороны Сталинграда летом-осенью 1942 года – до стратегической наступательной операции «Уран», в ходе которой 2 февраля 1943 года победно завершилась Сталинградская битва; от сражений на белорусской земле и сопредельных территориях – до Белорусской наступательной операции «Багратион», когда в период с конца июня и до конца августа 1944 года советские войска, при поддержке партизан, перешли границу СССР и продвинулись до Восточной Пруссии.

В процессе создания трилогии, по словам самого писателя, возник замысел нового произведения: «Я задумал еще одну книгу – из записок Лопатина, – книгу о жизни военного корреспондента и о людях войны, увиденных его глазами. Между 1957 и 1963 годами главы этой будущей книги были напечатаны мною как отдельные, но при этом связанные друг с другом общим героем маленькие повести (“Пантелеев”, “Левашов”, “Иноземцев и Рындин”, “Жена приехала”)». Завершая развитие своей мысли, Симонов указал: «Впоследствии все эти вещи я соединил в одну повесть, назвав ее “Четыре шага”» и уточнил, что «начатое в ней повествование продолжил и закончил еще двумя повестями (“Двадцать дней без войны” и “Мы не увидимся с тобой...”». Так сложился этот роман в трех повестях “Так называемая личная жизнь”» [14, с. 6].

Выбор автором главного героя романа – военного корреспондента Василия Николаевича Лопатина – продиктован несколькими причинами. Во-первых, Симонов показал, что специфика профессии позволяла герою освещать события, которые происходили на разных участках фронта, что обеспечивало панорамный взгляд на войну. Во-вторых, в образе Лопатина Симонов воплощает собственный опыт военного корреспондента. При этом сам писатель настаивал на том, что образ Лопатина не автобиографичен, так как герой – представитель иного поколения. Как справедливо отмечал Л. И. Лазарев, «одни и те же впечатления осмысливались военным корреспондентом Симоновым и Лопатиным <...> “на разных уровнях”. Лопатин <...> задумывается над проблемами, ко-

торые Симонова по молодости лет и по недостатку опыта [в годы войны] могли и не беспокоить» [7, с. 179].

Материалы и методы

В статье рассмотрены роль и значение мотива массовой духовно-нравственной ответственности советских людей за тех, кто в условиях военного времени оказался рядом с ними. Цель данной работы состоит в выявлении смысловых акцентов, которые Симонов расставляет в контрастном изображении героев и персонажей, живущих «по разные стороны баррикад»: по одну сторону стоят избравшие совесть и долг военный корреспондент Лопатин, член Военного совета армии дивизионный комиссар Пантелеев и батальонный комиссар Левашов, а по другую – приспособленцы, среди которых командир полка полковник Бабуров, полковой комиссар Бастрюков и беспредельная эгоистка жена Лопатина Ксения.

Особый интерес к творчеству Симонова среди исследователей развивался в 1960–1990 годах (И. Л. Вишневская [3], С. Я. Фрадкина [18], В. С. Синенко [15]). Актуальность статьи обусловлена тем, что исследователи (А. Г. Бочаров [2], Л. И. Лазарев [8], Л. А. Финк [17], А. В. Панков [12–13]) обращались к роману «Так называемая личная жизнь», включая его 1-ю часть – повесть «Четыре шага», только в конце 1970-х годов, и на протяжении последующих десятилетий произведение неправомерно было в тени забвения. Научная новизна работы состоит в современном осмыслении повести «Четыре шага» – в выявлении его аксиологической полноты и художественно-эстетической значимости.

Мотив понимается нами как «сосредоточенность автора на проблемно-тематической конкретике в изображении героя или взаимосвязи героев» [10, с. 113]. Рассматривая литературный характер, мы опирались на работы Л. Я. Гинзбург [4], Л. В. Чернец [19]. По В. Е. Хализеву, характер – это универсальная доминанта художественного творчества; это персонаж, «воспроизведенный в многоплановости и взаимосвязи его черт, а потому воспринимаемый как живое лицо» [20, с. 22]. Методологической основой осуществленного анализа является обращение к принципам типологического выявления парадигматики в характерологии и ее мотивной разработки.

Мотив духовно-нравственной ответственности советских людей в условиях фронта за тех, кто оказался рядом

Повесть «Четыре шага» обращена к трагедии 1941 года, связанной с отступлениями и окружениями Красной Армии по всей линии фронта. Сюжетно-композиционная модель повести представляет ряд эпизодов, объединенных судьбой военного журналиста Василия Николаевича Лопатина. Симонов передает процесс передвижений Лопатина в условиях фронтовой действительности. Глазами героя показана оборона Крыма (главы 1–8), бои под Одессой (главы 9–18), осадное положение Москвы в октябре (главы 19–20), обстановка в Мурманске (главы 21–22) и на Западном фронте (главы 23–27). На этом фоне Симонов обнажает и семейную драму Лопатина: его напряженные отношения с женой Ксенией и вынужденную разлуку с дочерью Ниной.

На каждом участке фронта Лопатин встречает сильных и мужественных людей, объединенных глубоким пониманием своего долга перед страной и убежденностью в том, что они должны защитить Родину от фашистов. К таким относятся прежде всего член Военного совета армии дивизионный комиссар Андрей Семенович Пантелеев, который воюет в Крыму, и комиссар полка Федор Васильевич Левашов, участвующий в боях под Одессой. И Пантелеев, и Левашов вынуждены противостоять не только фашистам, но людям «двойной души, холодного карьеризма, доносительского, трусливого сердца и лживой натуры» [3, с. 166].

Пантелеев, прибывая в дивизию генерала Кудинова на Перекоп, встречает командира полка, полковника Бабурова, у которого нет достоверных сведений о судьбе вверенной ему тяжелой морской батареи на Арабатской Стрелке и о дислокации там войск противника. Субъектное сознание Пантелеева накладывается Симоновым на речь повествователя, чтобы обнажить острый социально-нравственный вопрос: «Откуда в Красной Армии <...> взялись эти люди, которые боятся донести о неудаче больше, чем самой неудачи, боятся ответственности за потери больше самих потерь» [14, с. 25].

Как человек с богатым жизненным и военным опытом Пантелеев понимает, когда обстановка требует его личного вме-

шательства: «Сам поеду, сам посмотрю и сам себе отвечу» [14, с. 19], именно поэтому он едет на Арабатскую Стрелку, где, по слухам, ночью оказались немцы и погибла передовая рота. В образе Пантелеева важным является нравственное самосознание, а также умение взять на себя ответственность в абсолютно различных ситуациях. Так, герой лично ведет роту новобранцев в бой на Арабатской Стрелке, подавая пример самоотверженности и гражданского мужества. Симонов показывает, что Пантелеев рискует собственной жизнью, но ведет за собой людей, поднимая тех, кто упал на землю, испугавшись минометного обстрела: «Вставай, вставай, братчик, я ж стою, и ты встань. Лежать будешь – скорей убьют» [14, с. 35]. Пантелеев готов взять на себя ответственность за судьбу других людей, понимая, что должен обеспечить полный порядок на рубеже.

В образе Пантелеева Симонов подчеркивает нестигаемость и непреклонность, поэтому если положение требует принятия жестких решений, то он действует решительно и безапелляционно. Понимая, что вина за погибшую на Арабатской Стрелке передовую роту лежит на командире полка полковнике Бабурове, Пантелеев выносит категорический вердикт: «А этого прохвоста <...> я еще сегодня с чистой душой отдам под трибунал, а вынесут расстрел – подпишу расстрел. Рука не дрогнет, будьте покойны!» [14, с. 39]. В системе ценностей Пантелеева важной составляющей является бескомпромиссная гражданская стойкость, которой не хватило командиру полка Бабунову, а отсутствие такого духовно-нравственного стержня «Пантелеев не прощал ни себе, ни другим» [14, с. 24].

Симонов показывает, что война обнажает сущность людей, высвечивая как сильные, так и слабые стороны человеческой натуры. Обращаясь к начальному периоду войны, писатель «стремился постичь логику поведения человека, мотивы его поступков в поворотные моменты жизни» [5, с. 197–198]. Писатель раскрывает биографию полковника Бабурова, оказавшегося среди подверженных репрессиям в РККА 1937–1938 годов: «Когда Бабурова арестовали, <...> он на всю жизнь испугался. <...> Испугался всякой ответственности, которую ему правильно или неправильно могли приписать» [14, с. 54]. Симонов показывает, что в истоках этого состояния кроется трусость человека, сломавшегося из-за несправедливых обвинений

и готового «на преступление, если только можно будет снять с себя хоть долю, хоть часть обязательств» [3, с. 168]. Мысль о наказании приводит Бабурова «в такой ужас, что он боялся не только завтрашнего дня, но и сегодняшней ночи...» [14, с. 55]. Автор передает психологическое состояние Бабунова, который настолько охвачен страхом, что принимает решение о самоубийстве, не дожидаясь отправки под трибунал. Однако, по мнению Симонова, посредством самоубийства нельзя искупить вину за предательство и низость.

Иначе мотив ответственности развивается при изображении конфликта командира полка Левашова с комиссаром дивизии Бастрюковым, который является его непосредственным начальником. В отличие от Бабунова, в судьбе Бастрюкова нет личной трагедии, он всегда был «трусом и службистом (генерал Ефимов называет его «скоросшивателем»)» [7, с. 180]. «Излишняя правильность» Бастрюкова на фронте «скрывала полное отсутствие убеждений и нравственных принципов» [7, с. 180–181], а первые месяцы войны так его потрясли, что «он бесшумно и незаметно для окружающих рухнул и рассыпался на куски» [14, с. 105]. Отсутствие нравственных убеждений, принципов, идеалов породило в душе Бастрюкова мысли о «неправильном довоенном воспитании» [14, с. 109], а также неверие в победу советского народа над фашизмом. Симонов показывает, что «Бастрюков готов предать забвению и осмеянию все то, что воспитывали в нем в мирное время» [14, с. 24]. Именно это становится поводом для столкновения Бастрюкова и Левашова.

Писатель подчеркивает, что комиссар полка Левашов был «прирожденный политработник», его особенно ценил генерал Ефимов, а также уважали его бойцы, ласково называя «наш батя», так как Левашов знал каждого лично, жил жизнью полка: «...Левашов рассказывает шефам то о том, то о другом бойце <...>. Об одном он рассказывал, как тот погиб, <...> о другом – при каких обстоятельствах был ранен, про третьего, смеясь, вспоминал, как его пришлось силком отправлять с позиции в госпиталь...» [14, с. 80, 104]. Писатель акцентирует внимание на том, что Левашов осознает свой долг перед страной и понимает, что его место на фронте, поэтому даже после четырех ранений остается в своем полку.

Изображение конфликта между Бастрюковым и Левашовым Симонов доверяет повествователю, а не Лопатину, что помогает создать впечатление большей объективности в изображении, нежели внесение субъектно-субъективной, казалось бы, оценки Лопатина. Так, утерев заботу о самосохранении, Бастрюков делится с Левашовым: «А по-моему, будь у нас поменьше этого интернационализма раньше – позлей воевали бы теперь! Тем более что время само показало, как иностранец – так через одного, хоть с партбилетом, а шпион!» [14, с. 110]. У Левашова же в ответ «даже подкатил комок к горлу от этих слов», поскольку он «твердо был уверен, что Бастрюков, которого не мучили никакие такие мысли <...>, боялся и боится фашистов и употребляет и будет употреблять всю свою изворотливость, чтобы продержаться всю войну подальше от передовой» [14, с. 110]. Левашов, разгадавший психологическую подоплеку в словах Бастрюкова, окончательно убедился, что перед ним тот, кто будет бороться только за собственную жизнь.

Таким образом, Симонов показывает, что на военном изломе становятся особенно заметны все грани человеческой натуры. В людях сильных и совестливых автор подчеркивает твердую убежденность в нравственных принципах и безусловную веру в победу. Такими в повести показаны Пантелеев и Левашов. А при изображении Бабурова и Бастрюкова Симонов подчеркивает ненадежность мелких душонок, а истоки и причины трусости и будущего предательства определяются озабоченностью лишь за свою жизнь и за то положение, которое такие люди занимают в военной иерархии. В частности, довоенное стремление выслужиться, страх перед начальством, желание личной выгоды уничтожают в Бабурове и Бастрюкове нравственные начала.

Мотив женских судеб: на фронте и вне его

В повести «Четыре шага» Симонов затрагивает важный социально-нравственный вопрос: положение женщины на войне, жизнь женщины в условиях фронта. Традиционно образ женщины в военной прозе представлен как образ матери или жены, которая ждет возвращения мужчины с фронта. Однако в годы Великой Отечественной войны участие женщин в военных действиях стало массовым явлением. В первую

очередь призыву подлежали женщины, имеющие медицинское образование и специальную техническую подготовку [1, с. 11]. В частности, Симонов показывает судьбы «шоферки» [14, с. 31], как ее называют окружающие, Паши Горобец и военфельдшера Таисии Белкиной. Молодые женщины на передовой вызывают у бойцов и командиров недоумение. Так, Пантелеев искренне удивляется, увидев на Арабатской Стрелке девушку-шофера: «Что, у вас бойцов, что ли, нет?» [14, с. 21]. Юная девушка вызывает в Пантелееве отеческие чувства, что и объясняет его стремление уберечь Пашу от передовой: «Поезжай-ка ты отсюда подальше! И чтобы я тебя больше не видел поблизости, понятно тебе, дочка?» [14, с. 31]. А Лопатин, встретив в боевой зоне под Одессой военфельдшера Тая, спрашивает, как ее зовут, потому что «не привык обращаться к женщинам по их военным званиям» [14, с. 85].

Писатель запечатлел предельно краткую историю жизни Паши Горобец: «окончила семилетку, потом работала на Сольпроме, <...> потом автокурсы» [14, с. 56]. Девушка была призвана на фронт вместе со своей полуторкой, и теперь перевозит по Арабатской Стрелке военнослужащих, орудия, снаряды. При анализе образа Паши особенно значим эпизод, когда она везет на передний край минометы: по дороге девушка попала под обстрел; испугавшись разорвавшихся снарядов, она «пригнулась за рулем и погнала машину, не разбирая дороги, боясь этих свистящих звуков» [14, с. 57]. Паша испытывает естественное в таких условиях чувство страха, однако, продолжая выполнять свои обязанности, вызывается еще раз съездить на позиции, чтобы отвезти ящики с минами. С образом Паши в повести связана тема самоотверженности и самоотдачи, так как несмотря на физические и эмоциональные перегрузки девушка выполняет все приказы.

В годы Великой Отечественной войны наряду с мужчинами на линии фронта находились и женщины-медики, которые оказывали первую помощь раненым и спасали жизни. Военфельдшер Тая, как и Паша, призвана на фронт по своей специальности. Лопатин встречает ее под Одессой, когда направляется на наблюдательный пункт полка. Несмотря на ожесточенные бои, Тая под обстрелами вытаскивает раненых бойцов и командиров.

Таким образом, Симонову было важно засвидетельствовать, что Паша и Тая – представительницы того молодого поколения, для которого значима Родина. Обе девушки понимают, для чего они призваны на фронт. Скромные и немногословные, они убеждены, что должны находиться на передовой, чтобы быть в одном строю со всей страной.

Однако писателю не менее важно показать и тех женщин, кто оказывается полной противоположностью таким, как Паша и Тая. В результате на страницах повести Симоновым выведен образ женщины, сознавшей в своей шпионской деятельности в пользу врага. Так, в эпизоде допроса пойманной на Арабатской Стрелке шпионки на речь повествователя Симонов вновь накладывает субъектное сознание Пантелеева: «Что случилось, почему эта вот сидящая перед ним простая, плохо одетая женщина стала тем, кем она стала, – немецкой шпионкой? Почему она согласилась служить немцам?» [14, с. 46]. Пантелеев расспрашивает женщину о ее прошлом, чтобы понять мотивы ее предательства. В отличие от Паши и Таи, писатель не дает шпионке имени, но указывает ее происхождение (у отца «были и мельница, и сельская лавка, и батраки» [1, с. 46]), в силу чего она считалась богатой невестой. Деньги как главная ценность определяют и ее дальнейшую жизнь: к немцам женщину привел ее сожитель, служивший у них в комендатуре, – и за выполнение разведывательного задания немцы обещали ей заплатить.

Как справедливо отмечал Г. И. Ломидзе, «эмоциональная глухота, душевная замкнутость, обособленность, нежелание осознать свою судьбу как неотрывную судьбу других людей усиливает состояние эгоистической отрешенности» [9, с. 88]. Именно это характеризует безымянную шпионку, психологическое состояние которой поразило Лопатина, внимательно наблюдающего за ней во время допроса. Симонов акцентирует внимание на равнодушии, с которым женщина рассказывала о своем предательстве, подчеркивает отсутствие в словах шпионки раскаяния и сожаления о выбранном пути. Так, автор отмечает, что женщина была лишена какой-либо человечности, не испытывала ни страха, ни стыда за свое предательство. Ведомая сожителем, женщина шла за ним, «как собака», – «туда, куда он велел, и сделала то, что он велел» [14, с. 48]. Иными

словами, в истоках ее предательства кроются материальная выгода и слепое следование животным инстинктам, что разрушает человеческую личность и порождает моральную пустоту.

Таким образом, в повести «Четыре шага» Симонов показывает не просто разные, но даже полярные модели поведения женщин во время войны. Паша и Тая, воспитанные с осознанием ценности Родины, понимают, что необходимо противостоять вражескому натиску. Девушки, каждая по-своему, оказывают посильную помощь Красной Армии, находясь на линии военных действий, в крайне суровых условиях. Абсолютно иные жизненные установки у безымянной шпионки, в результате следования которым женщина идет на предательство.

Симонов также разрабатывает мотив ответственности родителей за воспитание детей. В повести «Четыре шага» мотив ответственности связан не только с боевыми действиями на передовой. Писатель затрагивает важные социально-нравственные вопросы, которые касаются семейных взаимоотношений.

Образ Лопатина раскрывается при изображении его личной семейной драмы. Писатель подчеркивает, что семейная жизнь Лопатина разладилась еще в мирные годы, а война наиболее остро высветила его разногласия с женой Ксенией. В образе Ксении Симонов подчеркивает капризное себялюбие и уверенность в том, что она может по своей прихоти распоряжаться окружающими. Такое поведение особенно заметно в эпизоде ее разговора с редактором газеты, в которой служит Лопатин, когда Ксения со слезами просит отозвать мужа из командировки: «Рыдала, говорила о том, сколько семей на ее глазах уже разрушила война, умоляла вызвать ее мужа в Москву» [14, с. 178]. Когда же Лопатин приезжает с фронта, то выясняется, что Ксения, заглотив одного из московских театров, случайно оказалась в Москве, поскольку улетела с театром (и его новым директором – своим любовником) в Казань, отправив при этом единственную дочь – несовершеннолетнюю Нину – в эвакуацию вместе со школой под Горький. Лопатину очень больно оттого, что «жена оказалась в эвакуации в одном месте, а дочь – в другом» [14, с. 64]. Но понимая отчужденность дочери и матери, Лопатин даже не стремится скрыть свое негодование по этому поводу.

Соединяя Лопатина и Ксению в Москве осенью 1941 года, Симонов подчеркивает духовно-нравственную несовместимость супругов: у них совершенно разные взгляды на жизнь и семью, разное понимание ответственности за дочь. Как справедливо отмечает А. В. Караганов, у Лопатина «более глубокое понимание того, что огромную роль в любви играет уважение, дружба, родство душ», а у Ксении «остатки всего этого испарились и стали трухой в растущем умении рассчитывать и “устраивать” свою жизнь» [6, с. 211]. Симонов акцентирует внимание на том, что Лопатин осознает свой долг в отношении воспитания Нины, особенно в условиях войны, и просит у редактора отпуск на пару дней: «Решение повидать дочь родилось неожиданно, но теперь казалось необходимым» [14, с. 179]. Как справедливо отмечал Л. А. Финк, «приоткрывая в Лопатине интимное, Симонов тем самым обнаруживает силу его характера, гражданственность и целеустремленность» [16, с. 330]. При этом в образе Ксении подчеркивается эгоистичное отношение к дочери. Ксения говорит о намерении вместе с Лопатиным написать письмо дочери «завтра», при этом Лопатин прекрасно знает, что, когда она говорила «обязательно», «это вовсе не значило, что она это сделает» [14, с. 159].

Таким образом, мотив нравственной ответственности за окружающих актуализируется в повести в том числе при изображении семейной драмы Лопатина. Симонов отмечает, что Лопатин – человек, обладающий гражданским мужеством, осознающий свое место на фронте, подчиняющийся интересам своей службы. Наряду с этим Лопатин – отец, понимающий свою ответственность в отношении воспитания дочери. Антиподом Лопатина выступает его жена Ксения, в которой война в полной мере обнажила душевную пустоту и беспредельный эгоизм.

Обсуждение и выводы

В повести «Четыре шага» многопланово разработан мотив духовно-нравственных ценностей советских людей, достигнутых Великой Отечественной войной, что ведет за собой обостренное осознание ими ответственности за судьбы окружающих и всей страны. При этом Симонов не скрывает и темных сторон в реализации этой проблемы. В результате

в фокусе изображения оказывается череда характеров. Писатель глубоко погружается в психологию людей, воплощая ее главным образом непосредственно – в диалогах. Создавая образы Пантелеева, Левашова и Лопатина как тех, кто осознает свой долг перед Родиной, людьми близкими или, напротив, совсем незнакомыми, Симонов подчеркивает способность своих героев отвечать за свои слова и действия, безоговорочное понимание ценности каждой человеческой жизни.

Наряду с этим писателю важно показать и антиподов своих героев. Причиной гибели вверенного полковнику Бабурову подразделения становятся трусость и страх этого профессионального, казалось бы, военного перед начальством, замалчивание собственных ошибок и просчетов. В действиях же комиссара Бастрюкова нет неточностей и огрехов, однако на проверку оказывается, что он просто умело скрывает мелочность души: в конфликте с Левашовым проявляется его истинное лицо – эгоиста и приспособленца.

Значительное место в повести занимают женские образы. В образах «шоферки» Паши и военфельдшера Таи Симонов подчеркивает самоотверженность и готовность прийти на помощь другому. Антиподом этих молодых девушек стал образ шпионки (которую писатель сознательно лишил имени): ею движет лишь стремление к личной выгоде. В неменьшей мере антиподом Паши и Таи является образ жены Лопатина Ксении, неспособной поддержать даже собственную юную дочь.

Список литературы

1. Барсукова Н. В. Женщины в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Омский научный вестник. – 2012. – № 5 (112). – С. 11–13. EDN: PNFDQR
2. Бочаров А. Г. Бесспорно подлинная жизнь // Дружба народов. – 1979. – № 5. – С. 257–260.
3. Вишневская И. Л. Константин Симонов: Очерк творчества. – М.: Советский писатель, 1966. – 184 с.
4. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. – Л.: Советский писатель, 1979. – 223 с.
5. Демченко А. И. Литературная летопись Великой Отечественной // Культура в фокусе научных парадигм. – 2020. – № 10–11. – С. 192–198. EDN: DVYJHC
6. Караганов А. В. Константин Симонов – вблизи и на расстоянии. – М.: Советский писатель, 1987. – 281 с.
7. Лазарев Л. И. Военная проза Константина Симонова. – М.: Худож. лит., 1974. – 240 с.
8. Лазарев Л. И. На всю жизнь // Вопросы литературы. – 1979. – № 11. – С. 33–58.

9. Ломидзе Г. И. Нравственные истоки подвига: Советская литература и Великая Отечественная война. – М.: Советский писатель, 1985. – 246 с.

10. Лоскутникова М. Б. Архитектонический строй романа «Обрыв»: сквозные и локальные мотивы // Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова: сб. ст. русских и зарубежных авторов. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2017. – С. 113–121. EDN: GNARWS

11. Панков А. В. Летопись подвига: По страницам современной военной прозы // Известия. – 1979. – 24 января.

12. Панков А. В. Высший долг // Лит. обозрение. – 1979. – № 5. – С. 14–15.

13. Плоткин Л. А. Судьба романа // Плоткин Л. А. Литература и война: Великая Отечественная война в русской и советской прозе. – Л.: Сов. писатель, 1967. – С. 173–218.

14. Симонов К. М. Так называемая личная жизнь (Из записок Лопатина). Роман в 3-х повестях: Четыре шага; Двадцать дней без войны; Мы не увидимся с тобой... // Симонов К. М. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 7. – 558 с.

15. Синенко В. С. Трилогия К. Симонова «Живые и мертвые»: монографическое исследование. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1986. – 165 с.

16. Финк Л. А. Константин Симонов: Творческий путь. – М.: Сов. писатель, 1979. – 416 с.

17. Финк Л. А. Школа мужества // Литературная газета. – 1978. – 31 мая. – С. 4.

18. Фрадкина С. Я. Творчество Константина Симонова. – М.: Наука. 1968. – 207 с.

19. Чернец Л. В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – Т. 24. – № 4. – С. 8–16. EDN: XHOGQX

20. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Академия, 2013. – 432 с.

Anastasiia Khlebtsova

The Motif of Spiritual and Moral Responsibility in K. M. Simonov's Story *Four Steps:* A Man in the Frontline Conditions

In the story *Four Steps* K. M. Simonov turned to the “side” problems, exacerbated in the life of Soviet people during the Great Patriotic War. The meaning and role of the motif of spiritual and moral responsibility of each Soviet person for those who by the will of fate near by were considered. This motif is necessary for the author in the development of axiological contrast in the characters and fates: there are those who live by the laws of conscience and duty (military officer Lopatin, member of the Military Council of the Army Panteleyev, battalion commissar Levashov), and there are those whose fear of their superiors and personal cowardice directly lead to the death of their subordinates (Colonel Baburov, regimental commissar Bastryukov), or those who in the heat of self-centeredness forget even parental duty (Lopatin's wife Ksenia). Simonov's experience as a war journalist and novelist testifies to the fact that Soviet people in their masses are characterized by a sense of high-moral conjugality of all with all. At the same time, in war, especially in frontline conditions, those who betray eternal values are most clearly revealed. In particular, while some heroes and characters in the story feel their unity with their families and friends particularly deeply in their personal lives, other characters (like the “anti-heroes”) live only in concern for their own well-being.

Key words: Simonov, story *Four Steps*, motif, literary character, axiology, architectonics.

For citation: Khlebtsova, A. V. (2025) Motiv duhovno-nravstvennoj otvetstvennosti v povesti K. M. Simonova «Chetyre shaga»: chelovek v usloviyah fronta [The Motif of Spiritual and Moral Responsibility in K. M. Simonov's Story *Four Steps: A Man in the Frontline Conditions*]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 3. Pp. 38–52. (In Russian). DOI: 10.35231/2541980_3_2025_3_38. EDN: VTHKFM

References

1. Barsukova, N. V. (2012) Zhenshchiny v Vooruzhennykh silah SSSR v gody Velikoj Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg. [Women in the Armed Forces of the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945]. *Omskij nauchnyj vestnik – Omsk scientific bulletin*. No. 5 (112). Pp. 11–13. (In Russian).
2. Bocharov, A. G. (1979) Bessporno podlinnaya zhizn' [Undeniably authentic life]. *Druzhba narodov – Friendship of Peoples*. No. 5. Pp. 257–260. (In Russian).
3. Vishnevskaja, I. L. (1966) *Konstantin Simonov: Ocherk tvorchestva* [Konstantin Simonov: Essay on creativity]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
4. Ginzburg, L. Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [On the literary hero]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
5. Demchenko, A. I. (2020) Literaturnaya letopis' Velikoj Otechestvennoy [Literary chronicle of the Great Patriotic]. *Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigm – Culture in the focus of scientific paradigms*. No. 10–11. Pp. 192–198. (In Russian).
6. Karaganov, A. V. (1987) *Konstantin Simonov – vblizi i na rasstoyanii* [Konstantin Simonov – near and at a distance]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
7. Lazarev, L. I. (1974) *Voennaja proza Konstantina Simonova* [Military prose of Konstantin Simonov]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
8. Lazarev, L. I. (1979) Na vsyu zhizn' [For life]. *Voprosy literatury – Literary issues*. No. 11. Pp. 33–58. (In Russian).
9. Lomidze, G. I. (1985) *Nravstvennye istoki podviga: Sovetskaya literatura i Velikaya Otechestvennaya vojna* [Moral Origins of the feat: Soviet literature and the Great Patriotic War]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
10. Loskutnikova, M. B. (2017) *Arhitektonicheskij stroj romana «Obryv»: skvoznye i lokalnye motivy* [Architectonic structure of the novel “Malinovka Heights. The Precipice”: through and local motifs]. *Materialy VI Mezhdunar. nauchnoj konf., posvyashchennoj 205-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova: Sb. St. russkih i zarubezhnykh avtorov* [Proceedings of the VI International Scientific Conference dedicated to the 205th anniversary of the birth of I.A. Goncharov: Collection of articles by Russian and foreign authors]. Ulyanovsk. Pp. 113–121. (In Russian).
11. Pankov, A. V. (1979) *Letopis' podviga: Po stranicam sovremennoj voennoj prozy* [Chronicle of the feat: On the pages of modern military prose]. *Izvestia – News*. 24 January. (In Russian).
12. Pankov, A. B. (1979) Vysshyj dolg [Highest duty]. *Literaturnoe obozrenie – Literary Review*. No. 5. Pp. 14–15. (In Russian).
13. Plotkin, L. A. (1967) *Sud'ba romana* [Fate of the novel]. Plotkin L. A. *Literatura i vojna: Velikaya Otechestvennaya vojna v russkoj i sovetskoj proze* [Literature and War: The Great Patriotic War in Russian and Soviet prose]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. Pp. 173–218. (In Russian).
14. Simonov, K. M. (1982) *Tak nazyvaemaya lichnaya zhizn' (Iz zapisok Lopatina). Roman v 3-h povestiyah: Chetyre shaga; Dvadcat' dnei bez vojny; My ne uvidimsya s toboj...* [The so-called personal life (From Lopatin's notes). A novel in 3 novels: Four Steps; Twenty Days Without War; We will not see you...]. *Simonov K. M. Sobr. Soch. v 10 tt.* [Collection op. in 10 vols.]. Vol. 7. Moscow: Hudozhestvennaja literatura Publ. (In Russian).
15. Sinenko, V. S. (1986) *Trilogija K. Simonova «Zhivye i mertvy»: monograficheskoe issledovanie* [Simonov's trilogy “The Living and the Dead”: monographic research]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
16. Fink, L. A. (1979) *Konstantin Simonov: Tvorcheskij put'* [Konstantin Simonov: Creative path]. Moscow: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
17. Fink, L. A. (1978) *Shkola muzhestva* [School of courage]. *Literaturnaya Gazeta – Literary newspaper*. 31 May. P. 4. (In Russian).
18. Fradkina, S. Ja. (1968) *Tvorchestvo Konstantina Simonova* [Creativity of Konstantin Simonov]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
19. Chernets, L. V. (2016) *Tip personazha i ego evolyuciya* [Character type and its evolution]. *Vestnik MGPU. Seriya Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie – Bulletin*

of MCU Series Philology. *Theory of language. Language Education*. Vol. 24. No. 4. Pp. 8–16. (In Russian).

20. Halizev, V. E. (2013) *Teoriya literatury* [Literary Theory]. Moscow: Akademiya Publ. (In Russian).

Об авторе

Хлебцова Анастасия Витальевна, аспирант, Московский городской педагогический университет (Москва, Российская Федерация); e-mail: sizova.a.v@mail.ru; ORCID ID: 0009-0005-6776-9812

About the Author

Anastasiia Khlebtsova, Graduate Student, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); e-mail: sizova.a.v@mail.ru; ORCID ID: 0009-0005-6776-9812

дата получения: 13.06.2025 г.

дата принятия: 30.07.2025 г.

дата публикации: 30.09.2025 г.

date of receiving: 13 June 2025

date of acceptance: 30 July 2025

date of publication: 30 September 2025